

Источники и литература:

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Батыров У. А. Деятельность КПСС по развитию танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1982.

История дизелестроения на заводе № 76 б. НКТП. Рукопись // Материалы музея Уральского турбинного завода.

История турбомоторного завода Свердловского Совнархоза за годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рукопись. 1959. Л. 51 // Материалы музея Уральского турбинного завода.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970.

Мартыненко И. Ф. Деятельность партийных организаций Урала по закреплению кадров тяжелой промышленности в годы четвертой пятилетки // Из истории индустриализации. Свердловск, 1970.

РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 11.

РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 413.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 640.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 679.

УДК 94(47).084.3

ББК ТЗ(2)613-3

ГСНТИ 03.23.55

ВАК 07.00.02

М.В. Попов¹

Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В 1920-е гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная политика, производство алкоголя, продажа алкогольных напитков, борьба с пьянством, алкоголизм, антиалкогольная агитация, антиалкогольная пропаганда.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются различные точки зрения у руководства страны на антиалкогольную политику государства в 1920-е гг., освещены мероприятия Советской власти по административному регулированию производства и продаже спиртных напитков, борьба с самогонованием, против пьянства различных слоев населения, проведение антиалкогольных агитационных и пропагандистских кампаний.

M.V. Popov

Yekaterinburg

STATE ANTIALCOHOLIC POLICY IN RUSSIA IN THE 1920s YEARS.

KEYWORDS: State policy, production alcoholic drinks, sale of alcoholic drinks, struggle with alcoholism, alcoholism, anti-alcohol agitation, anti-alcohol propaganda.

ABSTRACT. The article analyzes the different views of the country's leadership on the anti-alcohol policy of the state in the 1920s, highlights the measures taken by the Soviet government to regulate the production and sale of alcoholic beverages, fight against brewing, against drunkenness of various strata of the population, and conduct anti-alcohol propaganda and propaganda campaigns.

В различные периоды отечественной истории отношения населения к употреблению спиртных напитков находилось, а иногда и частично определялось государственной антиалкогольной политикой. Это связано с особенностями истории страны, где государство играло особую роль. Политика эта была противоречива и в дореволюционный период: от широкой продажи водки на рубеже XIX-XX вв. до «сухого закона» периода Первой мировой войны. Объяснения следует искать в особенностях социально-экономического развития страны, осуществляющей модернизацию.

Попов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: m-v-popov@yandex.ru.

Michael. V. Popov, Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Ural State Pedagogical University.

© Попов М. В., 2018

В годы Советской власти влияние государства на различные сферы жизни еще более усилились и в этих условиях антиалкогольная политика приняла характер шараханья от «ярких», инсценируемых государством антиалкогольных кампаний, до сравнительно «ровного» отношения властей к употреблению народом спиртных напитков, хотя в принципе нельзя отрицать антиалкогольную направленность действий со стороны советского руководства. Противоречивость этой политики ярко проявилась в 1920-е гг.

Особенностью первой половины 1920-х гг. было отсутствием в стране государственной продажи водки. Декретом Совнаркома РСФСР от 19 декабря 1919 г. Без специального разрешения правительства запрещалось производство и продажа спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ¹. Принятие этого декрета было в том числе своеобразной реакцией на действия Российского правительства А.В. Колчака, когда весной 1919 г. в ряде городов, находившихся под контролем белогвардейцев, властями была разрешена торговля спиртными напитками². В июне 1919 с целью увеличения финансовых поступлений от населения Акционерное управление колчаковского правительства предложило городскому самоуправлению Екатеринбургa принять решение о возобновлении государственной торговли водкой³, хотя еще 11 ноября 1914 г. Екатеринбургская городская дума приняла постановление «о прекращении навсегда... торговли спиртными напитками» в городе⁴.

Екатеринбургская городская управа согласилась с предложением правительственных органов передав окончательное решение вопроса на рассмотрение городской думы. В решении управы от 7 июня 1919 г. указывалось, а запретительные меры по продаже водки «привели лишь к тому, что массовое пьянство ничуть не прекратилось и превратилось из явного в скрытный, может быть более опасный недуг, так население в большом количестве употребляет вредные суррогаты», а в деревнях широко распространено самогонование, для которого «применяется столь необходимый для населения хлеб»⁵.

Впрочем, в Декрете Советского правительства от 19 декабря 1919 г. не устранялась возможность для населения приобретать в государственной, кооперативной и частной торговой сети крепких настоек (до 25 градусов), виноградного вина и пива. Кроме того, в России было широко развито самогонование и шинкарство (незаконная перепродажа вино-водочных изделий). В начале 1923 г. в РСФСР производством самогона занималось 8-10% крестьянских дворов⁶.

Сравнивая количество выпиваемых спиртных напитков населением царской России в 1913 г. (в 1914 государственная продажа водки была прекращена) с уровнем их потребления в СССР в середине 1920-х гг. следует отметить значительное уменьшение выпитых водки и пива: в 1913 г. в стране было выпито 104 млн. ведер водки и 94 млн. ведер пива, а в 1924-1925 хоз. г. соответственно 4.1 млн ведер и 20.6 млн⁷.

Отсутствие государственной продажи водки и снижение потребления алкоголя в первой половине 1920-х гг. по сравнению с 1913 г. давало основание большевистскому руководству в официальной пропаганде утверждать, что «царское правительство спивало народ» с целью увеличения государственных доходов (эти доходы от питейных сборов в 1913 г. составляли 28% всего бюджета⁸).

Второй особенностью первой половины 1920-х гг. было то, что в стране не было принципиальной установки на трезвость не только среди населения, но и в среде партийно-советского актива. Так, в сентябре 1922 г. агитационно-пропагандистским отделом Уралбюро ЦКРКП(б) в партийные организации было разослано циркулярное письмо о борьбе с пьянством. Обсуждение его на местах зимой 1922-1923 гг. выявило, что многие коммунисты не имеют установки на разумное употребление спиртных напитков, так «не следует превращать партию в коммунистический монастырь»⁹. Другие высказались за полный отказ от употребления алкоголя. В Оренбургской губернии подобный циркуляр «О пьянстве среди членов партии» был поставлен губкомом РКП(б) и обсужден в партийных организациях весной 1921 г.¹⁰. В Башкирии для разработки прак-

¹ Трезвость и культура. № 13-14. С. 24.

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.

³ Там же. Л. 99.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же. Л. 99.

⁶ Большая Советская энциклопедия. 1-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1926. Т. 2. С. 243.

⁷ Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 8.

⁸ Там же.

⁹ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 9. Д. 435. Л. 112-113.

¹⁰ ЦДООСО. Ф.1494. Оп. 1 Д. 227 Л. 32.

тических мер против пьянства и алкоголизма в конце 1923 г. было создано совещание партийно-хозяйственного актива¹.

И хотя под давлением парторганов после обсуждения и дискуссий принималось решение о борьбе с пьянством, на бытовом уровне среди коммунистов постоянное употребление алкоголя считалось вполне допустимым. Материалы партийных контрольных комиссий показывают, что пьянство низового партийно-хозяйственного актива было весьма распространенным явлением. В Вотской области среди исключенных в 1923 г. из партии 36% обвинялись в злоупотреблении спиртными напитками². Только с января по 1 июля 1928 г. Уральской областной Контрольной комиссией за пьянство было привлечено к ответственности 623 члена партии, из них 154 человека было рабочими³.

Употребление спиртных напитков представителями партийно-административного аппарата видимо было одной из причин низкой эффективности борьбы с самогонованием в первой половине 1920-х годов, хотя меры по борьбе с самогонованием предпринимались. Так весной 1922 г. в Челябинской губернии крестьяне которые были уличены в самогоноварении лишались льгот по сдаче сельхозналога⁴, в Оренбургской губернии зимой 1922-1923 гг. за попустительство самогонщикам партийной комиссией было привлечено к ответственности 23 руководящих работника-членов ВКП(б)⁵, в Тюменской губернии в феврале 1923 г. исполкомами местных Советов предоставлялось право у особо злостных самогонщиков конфисковать имущество и самих выселять за пределы губернии⁶.

Положение изменилось, когда 28 августа 1925 г. по декрету Совнаркома в стране была разрешена торговля сорокоградусной водкой. Был организован Центроспирт, наделенный монопольным правом изготовления хлебного вина (водки). Стремясь увеличить поступление средств на нужды индустриализации государство расширило производство алкогольных напитков. В 1927/28 хоз. г. доходы союзного бюджета по продаже водки составляли 700 млн руб.-11% бюджета⁷. Поступившая в продажу водка в народе получила шутовское название «рыковка» по фамилии тогдашнего председателя Совета народных комиссаров А.И. Рыкова. В соответствии с реалиями нового времени появляются своеобразные названия бутылок – «партиец» (0,5 л), «комсомолец» (0,25л) и «пионер» (0,1 л)⁸.

Для того, чтобы увеличить поступления от реализации вино-водочных изделий во второй половине 1920-х г. были ужесточены меры по борьбе с кустарным производством спиртных напитков. Например, в феврале 1928 г. Средне-Волжским облисполкомом были наказаны руководители административных отделов округов, которые не в полной мере применяли закон об ответственности за самогонование. В Татарии за восемь месяцев 1928 г. было оштрафовано 150 тысяч самогонщиков на общую сумму 220 тысяч рублей, отобрано 1467 самогонных аппаратов⁹.

Государственная торговля водкой сопровождалась её незаконной перепродажей, что естественно снижало государственную прибыль от водочной торговли. Поэтому с мая 1929 г. правительство РСФСР стало принимать административные и судебные меры против лиц, занимавшихся перепродажей спиртных напитков¹⁰.

В 1920-е г. в городских и сельских учреждениях культуры велась усиленная антиалкогольная пропаганда и агитация, однако до 1928 г. масштабы их были незначительны. Об этом свидетельствуют материалы о работе клубов, библиотек, изб-читален. Документы партийных и профсоюзных организаций показывают, что в это время вопросы борьбы с пьянством рассматривались на партийных и профсоюзных собраниях, заседаниях парт и профбюро лишь в связи с приближением религиозных праздников, систематической же антирелигиозной работы этими организациями не велось. В связи с переходом к торговле водкой во второй половине 1920-х гг. ведение антиалкогольной пропаганды со стороны партийно-государственных органов значительно осложнилось: для населения было непонятным, почему большевики осуждают царский режим «за спаивание» населения до 1914 г., а сами организовали производство и продажу вино-водочных изделий. Вот как отреагировали в 1926 г. читатели газет на помещенные в прессе материалы пропаганди-

¹ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.

² ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1 Д. 194. Л. 17.

³ Уральский коммунист. 1928. № 10. С. 26.

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 48. Л. 190.

⁵ ЦДООСО. Ф.1494. Оп. 1 Д. 259. Л. 2.

⁶ ЦТА ООРБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 7. Л. 14.

⁷ Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 5.

⁸ Акифьева Н. В. Питейная история Урала (XVII-начало XXI века) // Очерки истории Урала. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. Выпуск 44. С. 65.

⁹ Трезвость и культура. 1929. № 10. С. 4.

¹⁰ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 9. Д. 435. Л. 112-113.

рующие трезвый образ жизни: «В газетах пишут, что мы с алкоголем должны бороться путем агитации. Но зачем же выпускать «горькую», а потом бороться с нею?»¹.

В этой ситуации у части высшего партийного руководства сложилось мнение о необходимости применения административных мер для борьбы против пьянства. В марте 1927 г. Совнарком РСФСР предоставил право местным исполкомам Советов ограничивать продажу спиртных напитков в праздничные дни и в нерабочее время, а по решению общих собраний граждан отдельных поселений или соответствующих организаций, а также общих собраний рабочих отдельных предприятий и рабочих поселков запрещать торговлю крепкими напитками (кроме «сухого» вина и пива) в пределах отдельных районов. Это постановление запрещало продажу спиртных напитков в буфетах, клубах, банях, культурно просветительных учреждениях и т.д.².

Постановление давало возможность местным советским органам ограничивать или вообще запрещать винную торговлю. Причем, как правило, это делалось в административном порядке. Так в декабре 1929 – январе 1930 гг. водку было запрещено продавать в ряде округов Уральской области³. В 1928 г. в Тюмени исполком Советов запретил продажу водки по субботам и воскресеньям⁴.

Сейчас подобные меры вызывают противоречивый оценки. С одной стороны, административное давление «загоняло вглубь» массовое пьянство в определенные периоды, а с другой – это заставляло население активно заниматься самогонварением или шинкарством, вследствие чего, усиливалось вмешательство административного аппарата в личную жизнь трудящихся.

Важным направлением антиалкогольной политики в 1928-1929 гг. было неуклонное сокращение государством количества продаваемой водки. В августе 1928 г. правительство предложило потребкооперации свертывать водочную сеть, в августе 1929 г. было принято решение о значительном уменьшении продажи водки (в городах на 30 % и в деревнях на 15 % по сравнению с предыдущим полугодием)⁵.

Однако установку на резкое сокращение производства и продажи спиртного разделяли далеко не все в высшем партийном руководстве. Стремление увеличить доходы бюджета и направить их для проведения индустриализации имело место во взглядах И.В. Сталина на проблему. В так называемом «Письме Шинкевичу» от 20 марта 1927 г. он писал: «Что лучше: кабала иностранного капитала или введение водки. Так стоял вопрос перед нами. Ясно, что мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что если нам ради победы пролетариата предстоит ... выпачкаться в грязи, – мы пойдем на это крайнее средство ради интересов нашего дела»⁶.

Иные взгляды были у Н.И. Бухарина, который будучи членом Политбюро ЦК ВКП(б) и главным редактором газеты «Правда», возглавлял идеологический аппарат партии. Именно по инициативе Н.И. Бухарина в 1928 г. было создано Общество по борьбе с алкоголизмом (ОБСА), которое в июне 1929 г. насчитывало 250 тыс. членов⁷. Представителем ОБСА стал отец жены Н.И. Бухарина Ю. Ларин (М.С. Лурье).

В газетах Н.И. Бухарин выступал с публичным заявлением, что он бросил курить. Руководство Общества по борьбе с алкоголизмом пыталось доказать государственным плановым органам, что не смотря на сиюминутные финансовые выгоды, увеличение потребления спиртных напитков приводило к снижению производительности труда работников (по подсчетам Ю. Ларина в 1929 г. по этой причине производительность труда рабочих снизилась на 5 %)⁸.

На V Всесоюзном съезде Советов в мае 1929 г., на котором обсуждалось принятие первого пятилетнего плана, Ю. Ларин в своем выступлении предложил делегатам принять резолюцию, где бы давалась установка, чтобы в данной пятилетке «водка фигурировала в последний раз и был взят курс на полное её устранение в городе и деревне». Однако в резолюции V съезда предложения Ю. Ларина не нашли отражения⁹.

Не меньшее значение имела активизация государственной деятельности по проведению антиалкогольной пропаганды. Осенью 1928 г. СНК РСФСР спланировал выделение в бюджете 100

¹ Большаков А. М. Деревня 1917-1927. М.: Работник просвещения, 1927. С. 291.

² Известия. 1927. 30 марта.

³ ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216. Л. 46.

⁴ Трезвость и культура. 1928. № 4. С. 5.

⁵ Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм или социальная аномалия? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-е–30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 67.

⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 9. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948. С. 192.

⁷ Трезвость и культура. 1928. № 12. С. 5.

⁸ Большая Советская энциклопедия... С. 62.

⁹ Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм... С. 68.

млн. руб. для организации антиалкогольных мероприятий. Однако средства эти так и не были выделены¹. Само создание и деятельность ОБСА было формой проведения антиалкогольной агитации. Отделения этого общества были созданы главным образом в городах, основную массу членов общества составляли рабочие – летом 1929 г. – 80 %². Представление о системе Общества борьбы с алкоголизмом могут дать данные Московской областной организации. В мае 1931 г. здесь действовало 398 ячеек ОБСА, которые объединяли 17500 членов, из них рабочих – 11934, крестьян – 954, красноармейцев – 353. Членов ВКП(б) здесь состояло 2350, комсомольцев – 1088³.

В 1928–1929 гг. борьба против пьянства стала одной из задач организованного комсомолом культпохода распространила. Активисты культпохода распространяли антиалкогольные листовки, проводили митинги и демонстрации, добивались закрытия винных магазинов. На митингах в рабочих коллективах принимались резолюции, требовавшие от злостных пьяниц и прогульщиков изменить свое поведение. Резолюции отправлялись по почте на место их жительства. Списки пьяниц и алкоголиков публиковались в местных газетах, обнародовались в листовках и на водочных листовках. В подписях на этих этикетках помещались предупреждения о вреде пьянства, сопровождавшиеся рисунками с изображениями то змей, то черепа с перекрещенными костями. Весьма распространенным стало проведение демонстраций детей, требующих от отцов отказаться от пьянства. Часто в городах и рабочих поселках такие демонстрации проводились в день получения рабочими зарплаты.

Конечно, если дать оценки с современных позиций, то действенность данных форм проведения антиалкогольной агитации можно подвергнуть сомнению, однако, в конце 1920-х гг. культпоход поднял общественность на борьбу с пьянством, привлек внимание к проблеме борьбы с алкоголизмом. И все-таки во второй половине 1920-х гг. потребление алкогольных напитков в СССР было ниже, чем в царской России до начала Первой мировой войны. Так, в 1913 г. на душу населения было выпито 0,66 ведра водки, 0,55 ведра пива и 0,16 ведра вина, а в 1927/28 хоз. г. соответственно 0,31 ведра водки, 0,24 ведра пива, 0,04 ведра вина⁴. Как показывают вышеприведенные цифры, основным видом употребляемой алкогольной продукции в стране была сорокоградусная водка.

На душу населения крепких алкогольных напитков выпивалось значительно больше в городах, чем в деревне. В 1927/28 хоз. г. в городе на одного человека (считая малолетних и младенцев) приходилось 15 бутылок выпитой водки, а в сельской местности – 4 бутылки. Статистика того времени учитывала и количество употребляемого на селе самогона – но и в этом случае душевое потребление в городах было в два раза больше, чем на селе⁵. Среди городских жителей основными потребителями спиртного были рабочие. По выборочным обследованиям 1925 г. злоупотребляли алкоголем 11 % мужчин-рабочих⁶. На селе, не смотря на государственную продажу водки, в 1927 г. 80 % алкогольных напитков, которые употребляли жители в РСФСР (без Якутии) составлял самогон. В то же время самогонование сократилось в 1927 г. по сравнению с 1924 г. на 34 %⁷.

Характерно, что в доколхозной деревне в период полевых работ случаи массового пьянства были редки. Крестьяне-собственники не могли себе это позволить. Но в дни религиозных праздников в отдельных селах «пьяное море» буквально захлестывало население. На почве пьянства в то время были распространены случаи хулиганства. Вот как описывает один из праздников корреспондент «Уральской областной крестьянской газеты» в январе 1926 г.: «В те дни, когда я был в селе Дымковском (Ирбитский округ), население справляло Николин день. На 450 домохозяев было нагнано самогона 700-800 ведер. Пили самогон мужчины и женщины... Пьяные врывались в общественные учреждения, толкались, лезли драться...»⁸. Подобные явления можно объяснить отсутствием в деревне необходимых культурно-просветительных и бытовых учреждений, общим низким культурным уровнем населения.

В 1929 ню позиции Н.И. Бухарина и его сторонников партийно-государственном руководстве ослабли (он был обвинен в «правом» уклоне). Это повлияло на изменение антиалкогольной политики государства. В феврале 1929 г. ЦК ВКП(б) обратился с письмом ко всем отделениям Общества борьбы с алкоголизмом, в котором было отмечено, что применение административных

¹ Трезвость и культура. 1928. № 3. С. 2.

² Там же. 1929. № 12. С. 2.

³ Культура и быт. 1931. С. 24.

⁴ Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 5.

⁵ Там же.

⁶ Шевурдин С. Активизация человеческого фактора в борьбе за трезвый образ жизни // Коммунист. 1986. № 12. С. 63.

⁷ Алкоголизм в современной деревне. М.: Издание ЦСУ РСФСР, 1929. С. 36-37.

⁸ Уральский коммунист. 1926. 21 января.

мер в антиалкогольной политике в ряде случаев содействует распространению шинкарства в городах и самогонварения в деревне. В качестве главных мероприятий в борьбе с алкоголизмом ЦК ВКП(б) выдвинул «организацию сети безалкогольных чайных, развитие массового спорта, кино, радио и т.д.»¹. Руководствуясь партийными указаниями, 29 января 1929 г. СНК РСФСР принял постановление, отменявшее мартовское (1927 г.) постановление правительства. Сохранив ограничения в организации продажи вино-водочных изделий, которые предлагались в 1927 г., новое постановление от 29 января 1929 г. не разрешало местным органам власти в тех или иных районах и селениях прекращать торговлю спиртными напитками². Это было созвучно с отказом правительства от сокращения производства и продажи водки отказом от расширения финансирования антиалкогольной деятельности.

С 1930 г. тема борьбы с алкоголизмом стала сходить со страниц печати. Орган ОБСА – «Трезвость и культура» был переименован в журнал «Культура и быт». В 1932 г. ОБСА прекратило свое существование «растворившись» в обществе «За здоровый быт», деятельность которого не была отмечена сколько-нибудь значительными мероприятиями³.

Источники и литература:

- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 5.
Известия.
Культура и быт. 1931.
Трезвость и культура. № 13-14. С. 24.
Уральская областная крестьянская газета
Уральский коммунист. 1928. № 10. С. 26.
ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 386.
ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 194.
ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 227.
ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 259.
Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 216.
Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 9. Д. 435.
Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 4. Оп. 7. Д. 48.
Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГА ООРБ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 7.
Акифьева Н. В. Питейная история Урала (XVII-начало XXI века) // Очерки истории Урала. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. Выпуск 44.
Алкоголизм в современной деревне. М.: Издание ЦСУ РСФСР, 1929. 55 с.
Большаков А. М. Деревня 1917-1927. М.: Работник просвещения, 1927. 472 с.
Большая Советская энциклопедия. 1-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1926. Т. 2. 640 с.
Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм или социальная аномалия? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-е–30-е гг.) // История СССР. 1989. № 1. С. 60-74.
Сталин И. В. Соч. Т. 9. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1948 г. 153 с.
Шевурдин С. Активизация человеческого фактора в борьбе за трезвый образ жизни // Коммунист. 1986. № 12. С. 61-71.

УДК 323-053.6

ББК Ф3(2Рос),41

ГСНТИ 03.23.55

ВАК 07.00.02

Т.Н. Самсонова

Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственная молодежная политика, российская молодежь, политическая социализация, патриотизм.

АННОТАЦИЯ. Государственная молодежная политика в современной России, программы по гражданскому образованию и патриотическому воспитанию призваны содействовать успешной социальной

¹ Трезвость и культура. 1928. № 4-5. С. 17.

² Известия. 1929. 24 февраля.

³ Бордюгов Г. А. Социальный паразитизм... С. 68.